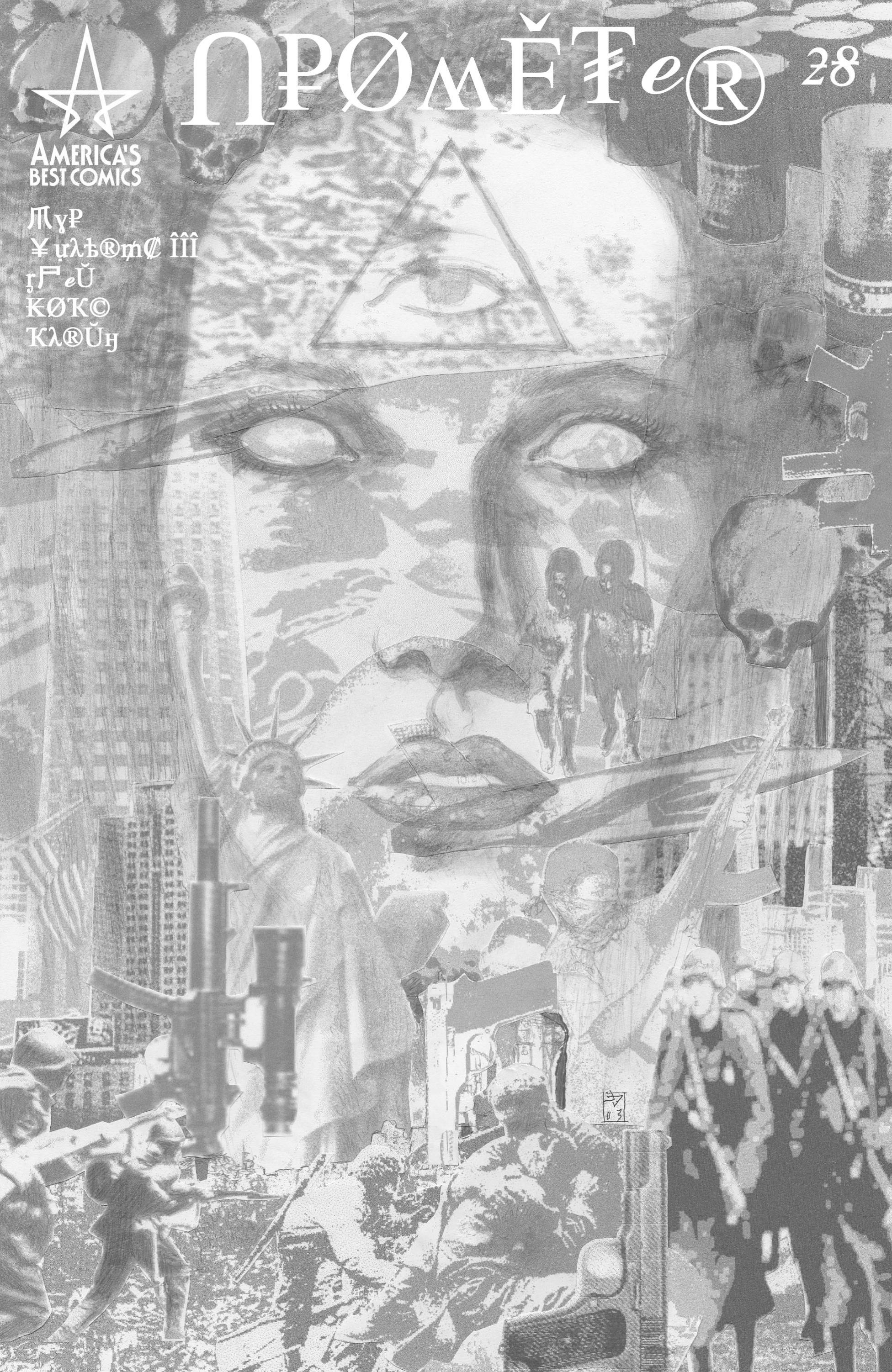




AMERICA'S
BEST COMICS

PROMETTMe®

28



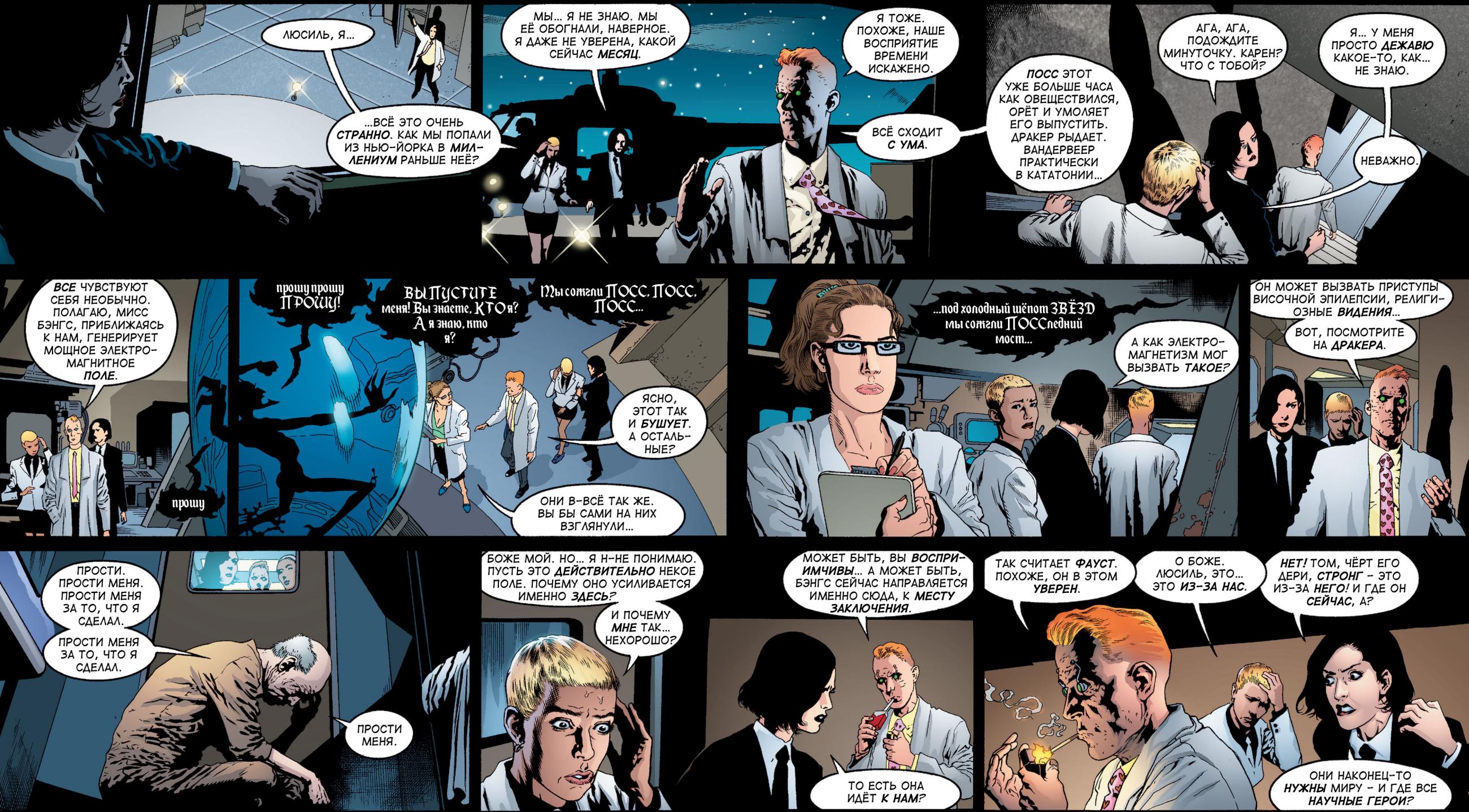
Мы все глазели на ослепительное зрелище снизу вверх, бормотали: пресвятые те
была ночь и две пустоты возвышались над нашими головами, очевиднее и тяжелее
обыкновенных твердынь, когда-то возведённых на этом месте и утраченных,
наших съеденных ладей, когда, кружка над этой самой зияющей, завораживающей
пустотой, цветастый, жгучий, сказочный, апокалиптический, ангельский дух
Нью-Йорка после трёх лет изгнания возвращался в свой город, обёртки от гамбургеров
и купоны на скидку словно пальмовые ветви под её ногами в алмазном поту,
пальцами, и каждый вдруг вспомнил, что всякий
фара в этой безумной толкучке мира и времени
и всё, и так далее, и так далее, и всё, и больше

в золотой грязи меж
кирпич, всякая разбитая
священны, и возлюбленны,
ни того ни сего.



ПРОМЕТЕЯ

РАЗВЕ ДЛЯ НИХ МИР НЕ ПОГИБ?
(КОГДА ТЫ СКАЗАЛА «ПРОЩАЙ»)



АЛАН
МУР
сценарий

ДЖЕЙ ЭЙЧ
УИЛЬЯМС III
карандаш, коллаж

МИК
ГРЕЙ
контуры

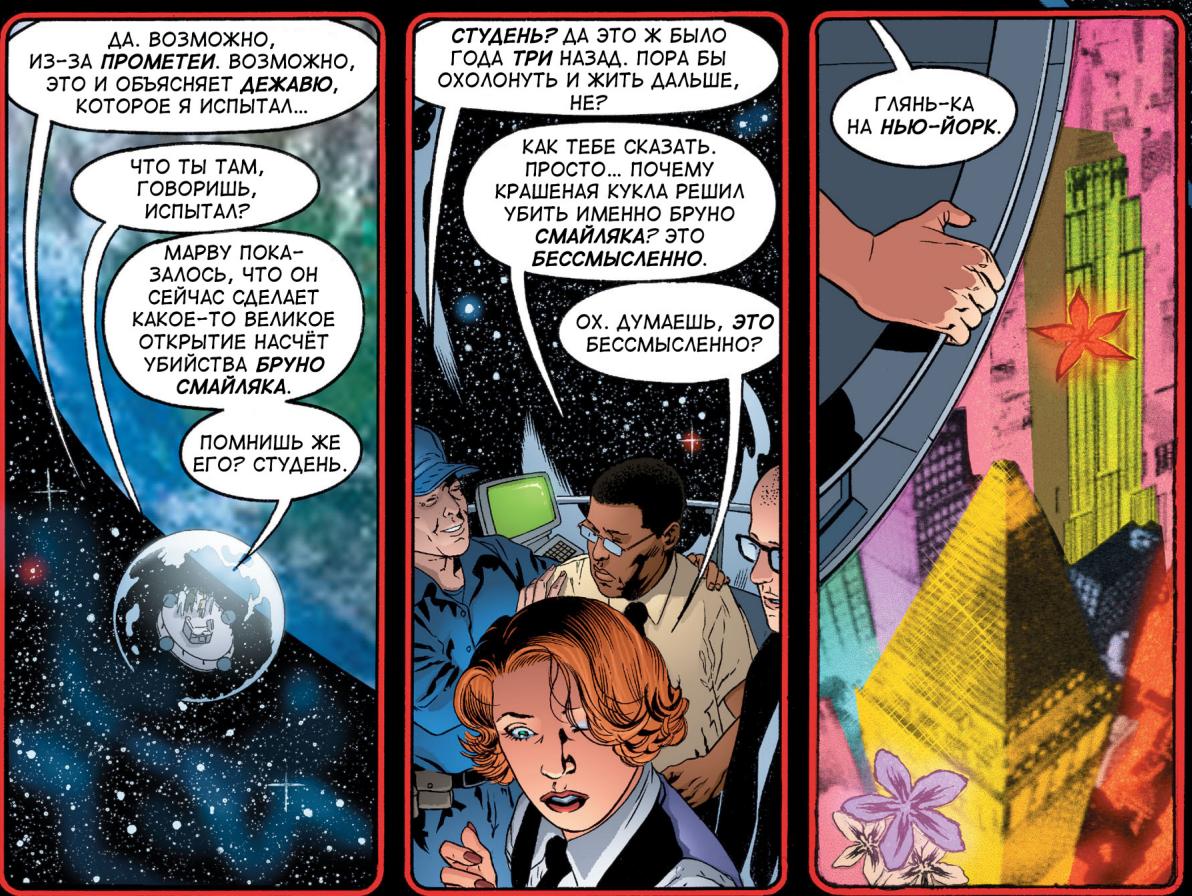
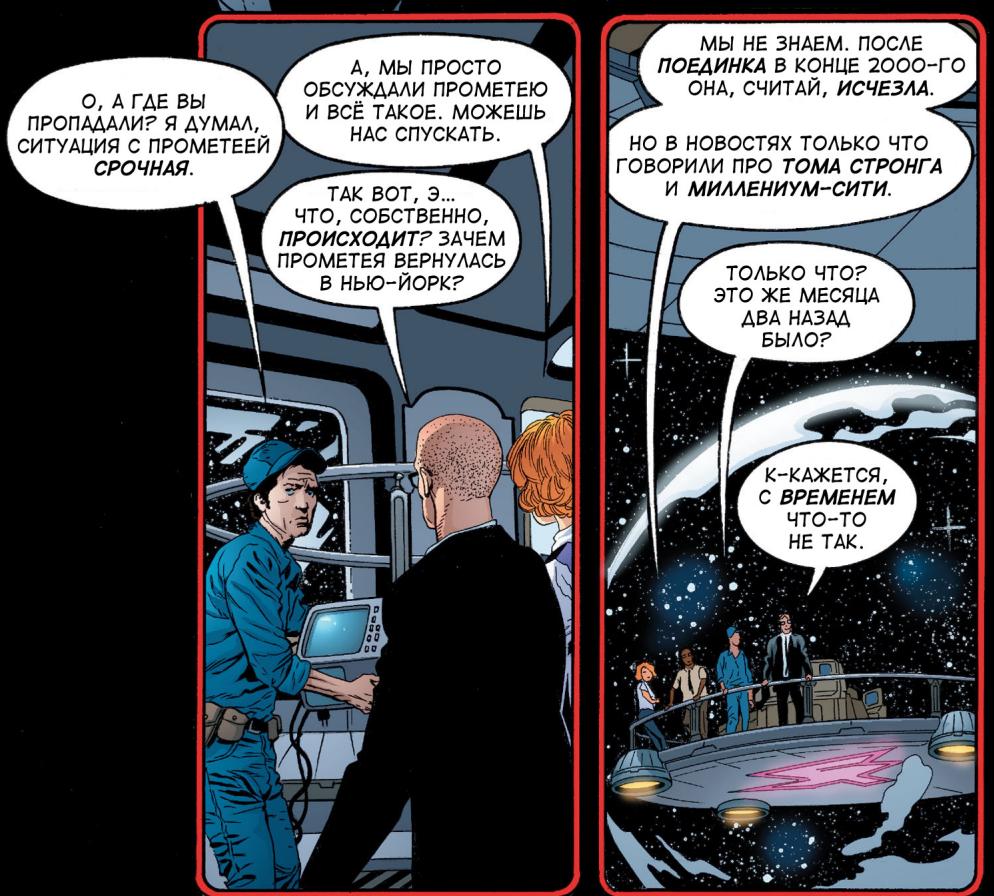
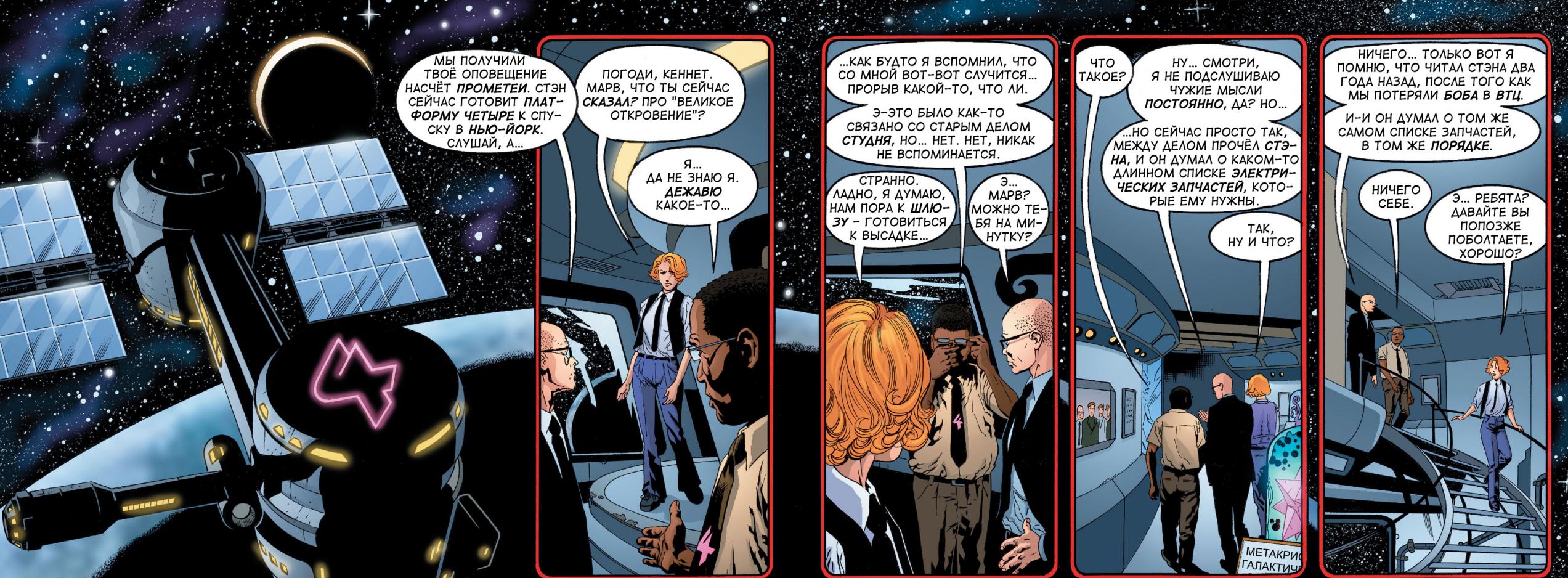
ДЖЕРОМИ
КОКС
цвет

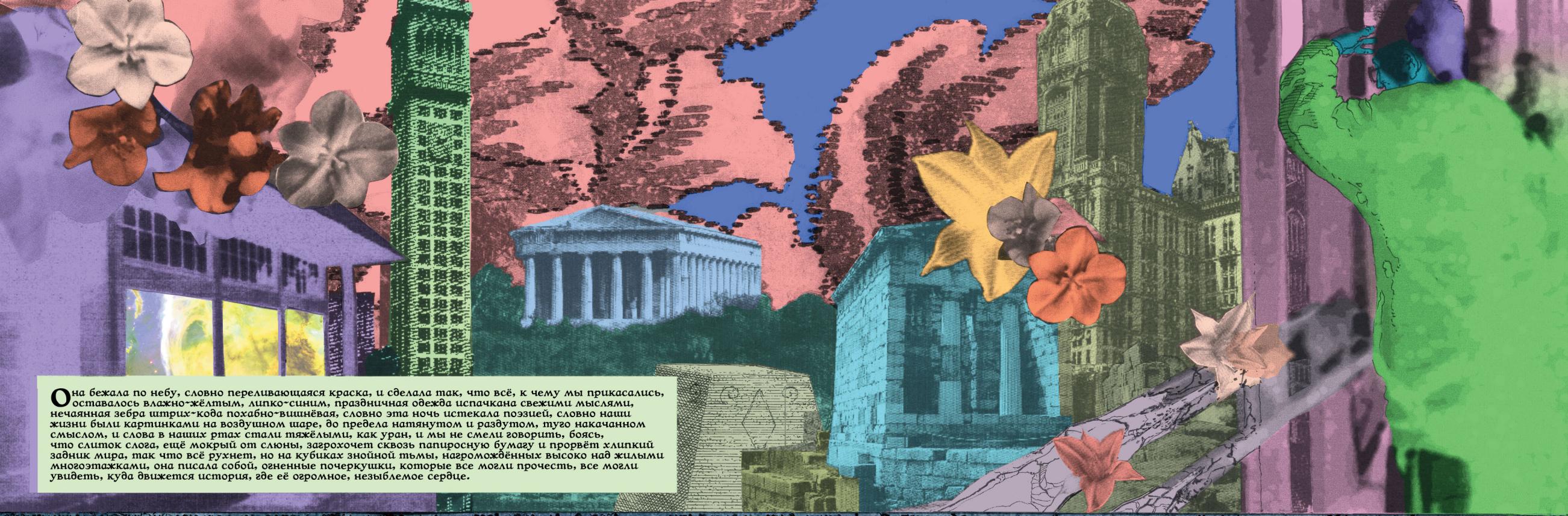
ТОДД
КЛЯЙН
шрифт

КРИСТИ
КВИНН
пом. ред.

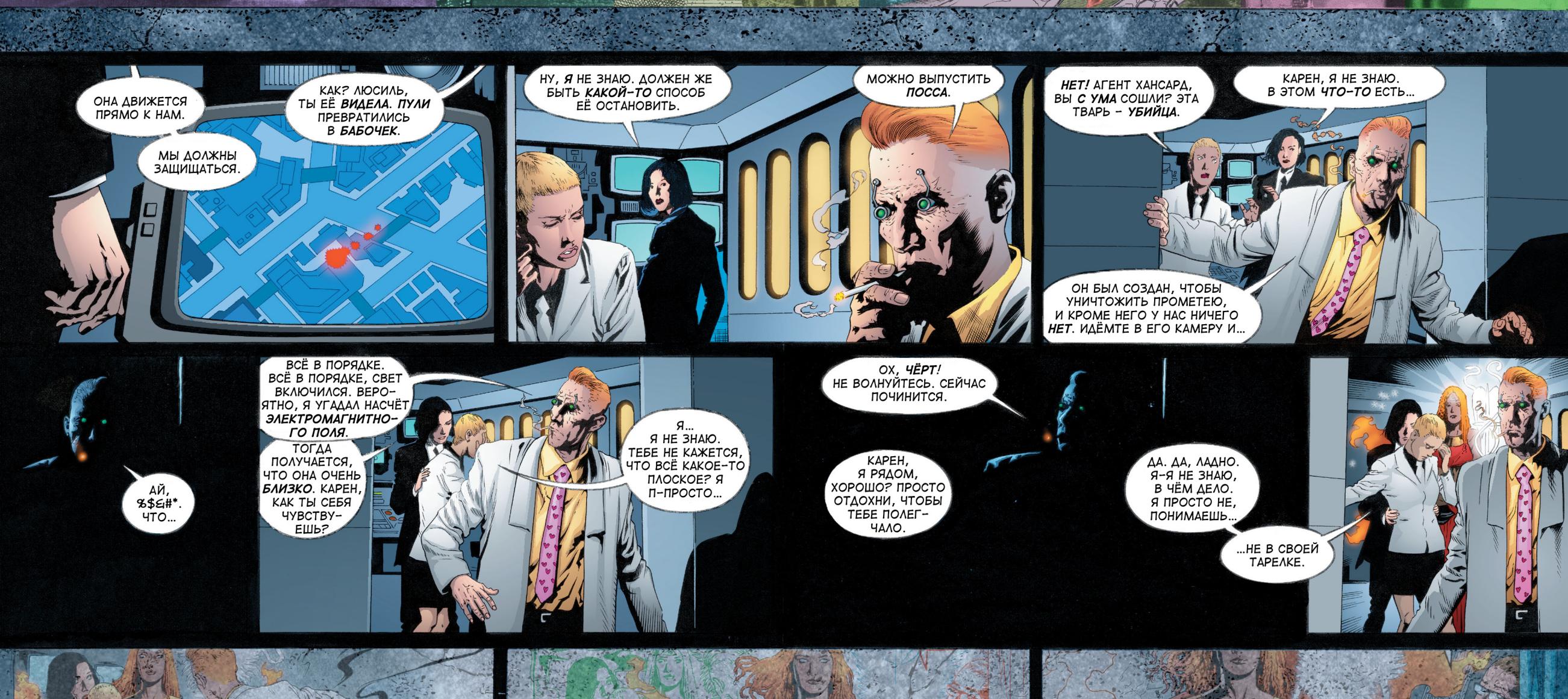
СКОТТ
ДАНЬЕ
редактор

Издание
2024
АЛИСА
АПРЕЛЬСКАЯ
локализация



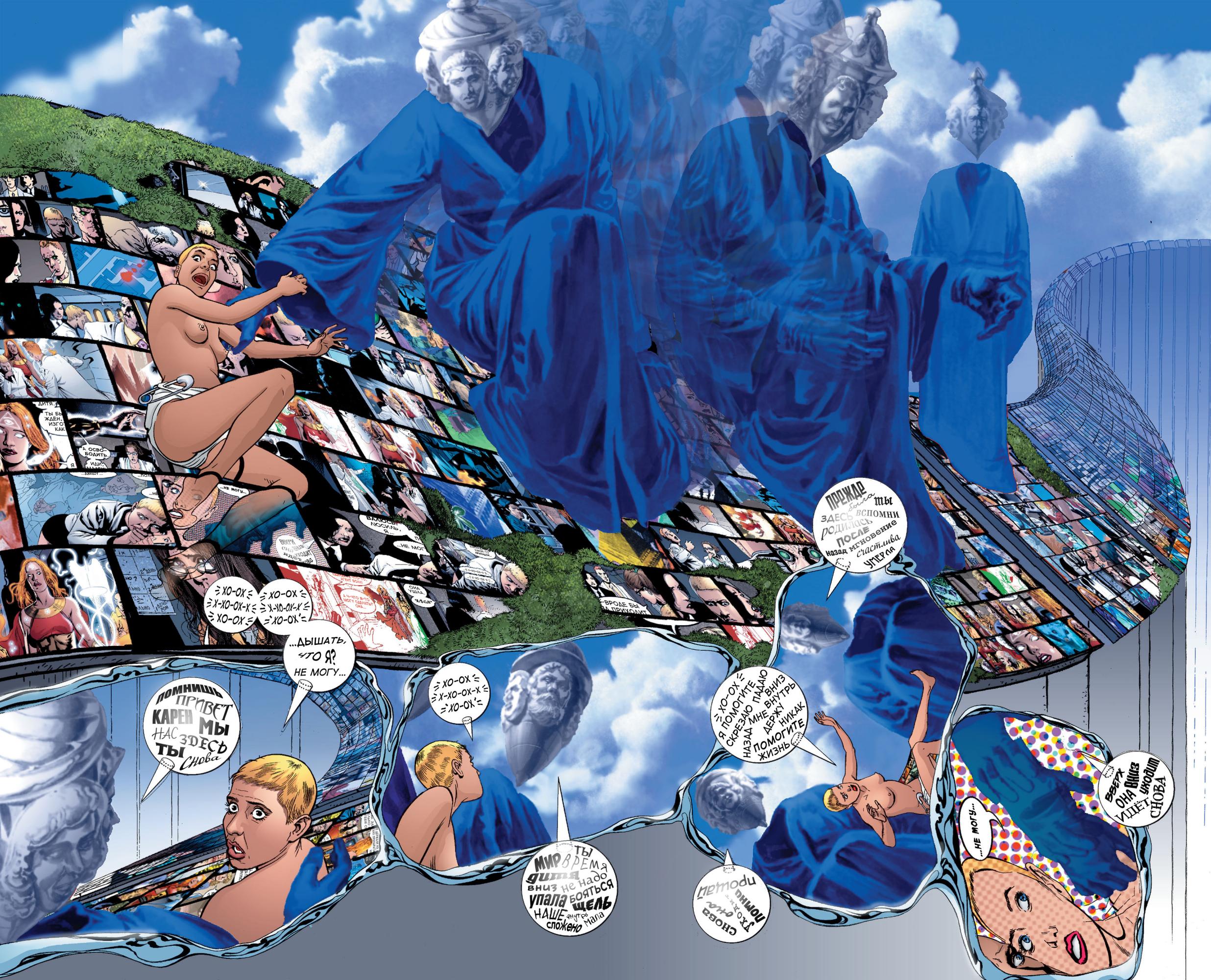


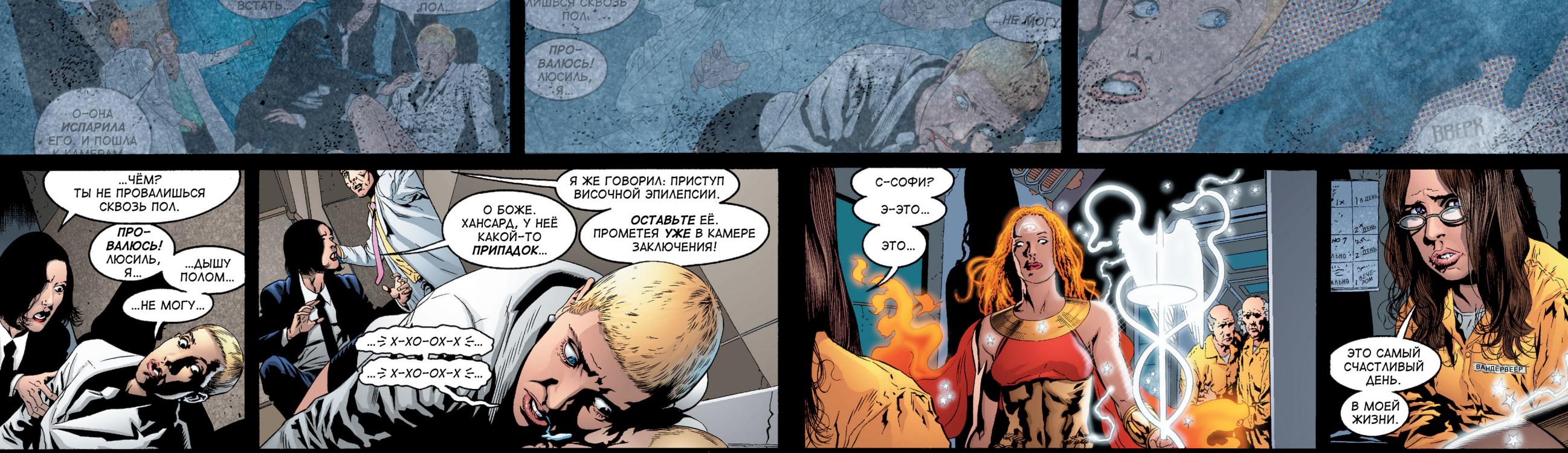
Она бежала по небу, словно переливающаяся краска, и сделала так, что всё, к чему мы прикасались, оставалось влажно-жёлтым, липко-синим, праздничная одежда испачкана свежими мыслями, нечаянная зебра штирих-кода по хабо-вишнёвой, словно эта ночь истекала поэзий, словно наши жизни были картинками на воздушном шаре, до предела напянутом и раздутом, туго накачанном смыслом, и слова наших ртых стали тяжёлыми, как уран, и мы не смели говорить, боясь, что слиток слова, ещё мокрый от слюны, загрохочет сквозь папиросную бумагу и прорвёт хлипкий задник мира, так что всё рухнет, но на кубиках знайкой пыльмы, нагромождённых высоко над жилыми многоэтажками, она писала собой, огненные почеркушки, которых все могли прочесть, все могли увидеть, куда движется история, где её огромное, незыблемое сердце.



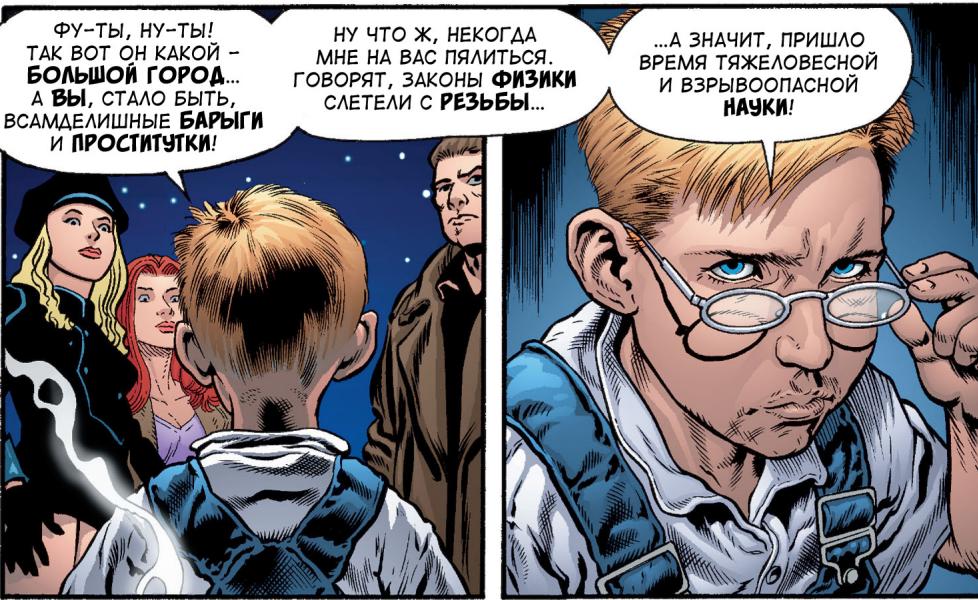
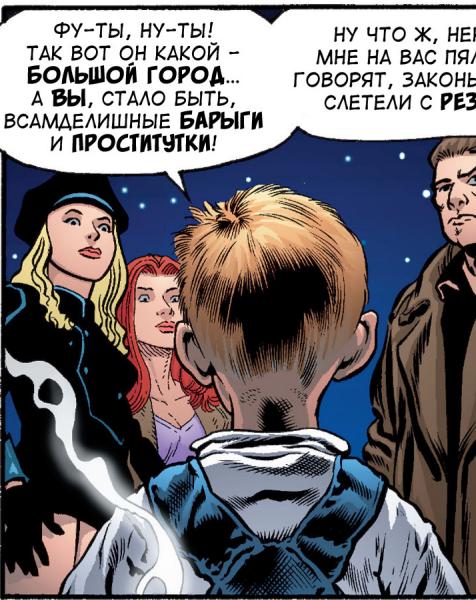
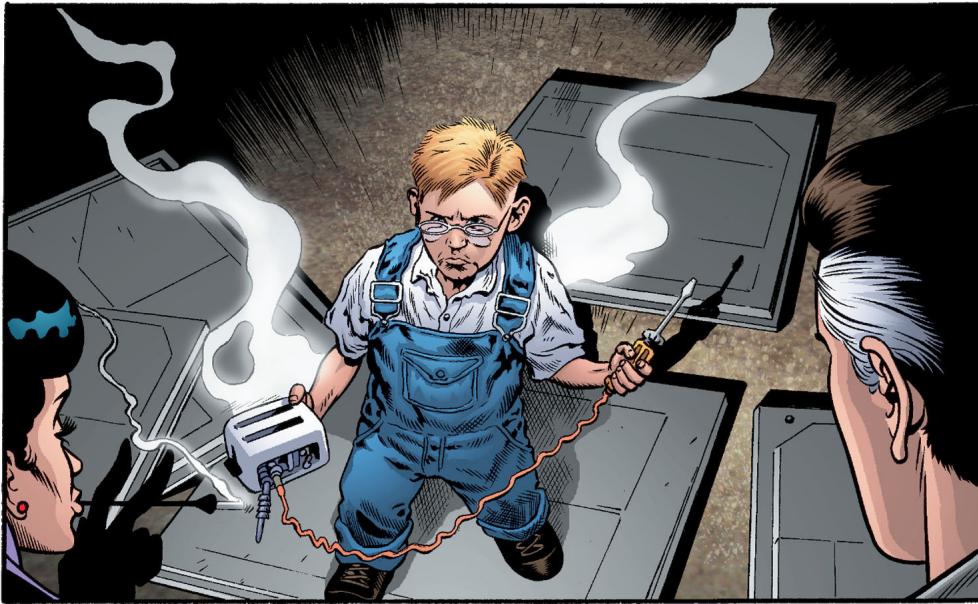
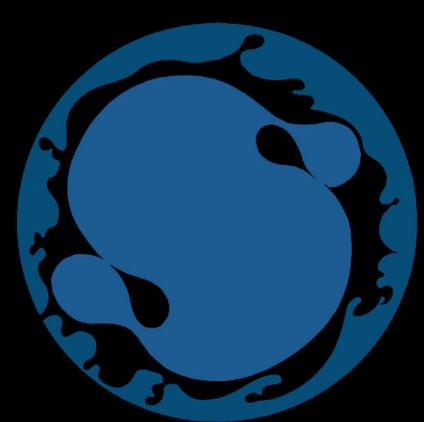
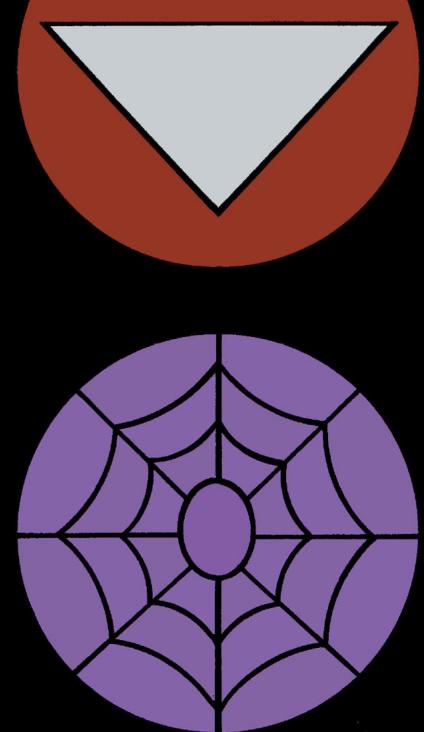


ЭТО...









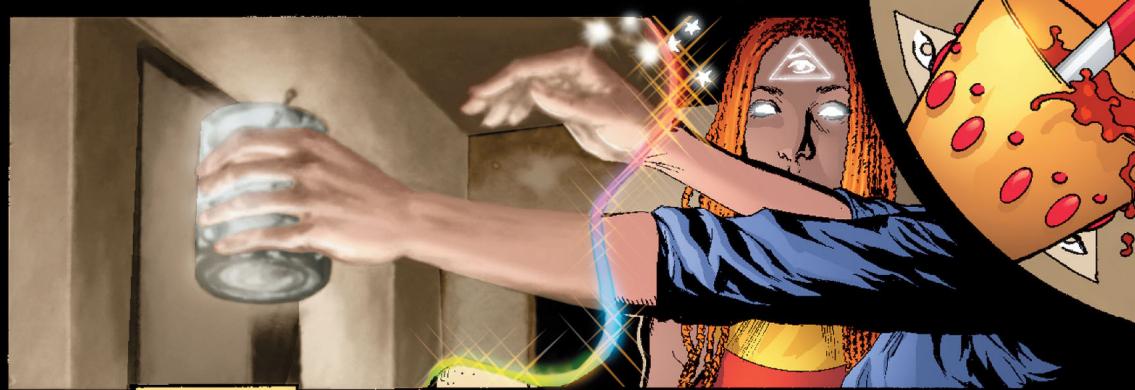
Вдруг все мы были в точности теми, кто мы есть, к сожалению или к счастью, а затем Президент объявил, что в Ираке нужно больше бойцов, а мы поглядывали на себя в зеркало и узнавали нечто, нечто сияющее под знакомыми складками и очертаниями наших лиц, неподражаемый свет наших мифических, наших священных личностей, каждый из нас самобытен, каждый неповторим в беспредельном пространстве и времени, и тут-то все мы вспомнили, что мы настоящие, что мы любовники, боги или бесы каждый в своей пламенной саге, и мы вскричали: «Что за унылые дворы мы построили? Что это за жизни, окутывающие нас серыми саванами?», и поняли, что в душе мы все герои...





Однако всё непременно сводилось к одному и тому же месту, к неким людям в некой ситуации, словно она выражала суть нашего многоголубного мира, так что в некотором смысле все мы находились именно тут, в этой знакомой комнатах, в кругу привычных лиц, и ты был Джеком Фаустом, сидящим подле Денисса Дракера и пытающимся его успокоить, думая: «Господи, ну вот и всё», надеясь, что ты готов, а я — я была Триша Бэнкс, думающей, что неплохо бы выпить, и понимающей, что ей это не нужно, и помнишь ли ты, как мы все огляделись, когда Стейша сказала...







ХМ-М.

ДОЛИНА
КУКОЛ

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

Кровавая кукла сеет слёзы,
Сборная Стронга противится погибели,
Аллея к армагеддону.



Обложка:
Джей Эйч Уильямс III